

18+

Алексей Леснянский

Отара уходит на ветер

Алексей Леснянский
Отара уходит на ветер

«Издательские решения»

Леснянский А.

Отара уходит на ветер / А. Леснянский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-538045-6

Повесть рассказывает о двух молодых пастухах. Однажды они теряют отару овец, и им предстоят нелегкие поиски. Чабаны даже не представляют, что с этого момента в их жизни начинается масса захватывающих приключений.

ISBN 978-5-00-538045-6

© Леснянский А.
© Издательские решения

Содержание

Алексей Леснянский	6
(повесть)	7
Синопис	8
Присказка	9
1	14
2	16
3	22
4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Отара уходит на ветер

Алексей Леснянский

© Алексей Леснянский, 2021

ISBN 978-5-0053-8045-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Алексей Леснянский

«Отара уходит на ветер»

(ПОВЕСТЬ)

Все имена и события вымышлены, совпадения с реальностью прошу считать случайностью

Елене Ракитянской посвящаю...

*«Но Он сказал им следующую притчу:
кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из
них, не оставит девяноста девяти в пустыне и не
пойдет за пропавшею, пока не найдет ее?»
Евангелие от Луки*

Синописис

Повесть о приключениях двух юных чабанов, потерявших отару. Ребята принимают роды у женщины, побеждают быка-производителя, спасают сбежавших из зоопарка оленей, тушат степной пожар, встречаются с губернатором и, в конце концов, находят ушедших овец.

Присказка

Здравствуй, читатель. Сразу скажу, что чтение этой книги приравнивается к долговременному сидению на электрическом стуле. Ну, в том смысле, что будет тебя во время чтения изрядно потряхивать и от самой истории, и от стиля её изложения. Я ведь не писатель в чистом виде, а разнорабочий в грязной робе, живущий то в городе, то на ферме.

Знаешь, а я всех надул. Присягнул друзьям и товарищам, что повесть будет носить спокойный характер, но уже вижу, что опять широко загуляю, что пылу и жару на страницах нового опуса вновь будет с горкой. Что в очередной раз помчусь я по строчкам со скоростью страха, высоко подпрыгивая на предложениях и резко поворачивая на абзацах, как будто гонится за мной по пятам дорожка пулёмётной очереди. Нет, не уйти мне от неумной, кипучей, дерзкой, весёлой и мятежной натуры своей, знаю себя. Да и не надо, наверное, уходить, только руки себе свяжу. Я ведь, читатель, жизнь утверждать буду. Наглым макаром и любой ценой. А это в наше времечко ой как непросто. Для такого, на мой взгляд, святого дела свободным надо быть от всяких литературных и житейских условностей, что там – самим собой быть. Если возникнет настоятельная необходимость в мертвецах, чтобы утвердилась жизнь – будут и мертвецы. По крайней мере, трупы животных гарантирую, повесть о степи, а в изумрудной шире забой и гибель скота – обычное дело. А вот насчёт мёртвых людей пока ничего не скажу, хотя мне известен весь расклад в этом плане. Замечу только, что будет надо – пойду и по их трупам...

А расскажу я тебе, читатель, легенду, которая случилась в наших краях в июльское пекло прошлого года. Для любителей статистики замечу, что год это был 2010-ый. Легко запомнить. Круглый год. Как солнце. Не заходящее солнце, как неправильно подумали пессимисты, а самое что ни на есть восходящее, как правильно решили оптимисты и японцы. Не знаю, как тебе, читатель, а мне 2010-ый запомнился борьбой с коррупцией, засухой в европейской части России, стройкой олимпийских объектов в Сочи и зарождением новой жизни в чреве моей невестки. Чувствую, как гражданин во мне на последних словах предыдущего предложения скукожился и истаял, и на месте гражданина явился тупо дядька, которого сила фамильной гордости моментально вознесла ввысь и превратила в Останкинскую башню, которая в мае 2011 года (время появления девчухи на свет) даст заметный пизанский крен. Потому как мы с братом намерены здорово обмыть нового человека. Словом, теперь пойдём в обратном порядке, двинемся от главного к второстепенному, то есть от частного к общему, конечно. Прошлый год запомнился мне зарождением новой жизни в чреве моей невестки, стройкой олимпийских объектов в Сочи, засухой в европейской части России и борьбой с коррупцией.

Ну да вернёмся к легенде. Все привыкли, что таковой должно быть не менее сотни лет. Ну, уж никак не менее полтинника, это точно. Перед глазами сразу встают какие-то патриархальные старцы в устном и письменном слове, эдакие ветхозаветные мудрецы в ослепительно-белых одеждах с посохами в руках, несколько даже гранитно-окаменелые для пущей интересности и назидательности.

Нашей же легенде, простите, всего несколько месяцев отроду. Это просто-напросто здоровая, улыбающаяся и розовощёкая малышка, которая вот уже который месяц не сходит с рук жителей Алтайского района республики Хакасия. Малышку тискают, берегут от сглаза, носятся с ней, как с писаной торбой, от деревни к деревне. Понятно, что кроха сама за себя пока сказать не умеет, поэтому в настоящий момент за неё это делают простые пастухи, чабаны, пахари, доярки, комбайнёры и чиновники районной администрации, которые по большому счёту ещё не осознали всей глубины и красоты произошедшего у них под носом. Много в легенду уже привнесено хоть и прекрасного, но не соответствующего действительности, как будто её участниками были не обычные люди, а какие-то герои, которые даже и в туалет-то по малому и большому не ходят.

На данный момент Алтайский район уже возомнил себя местом легенды и хочет полностью узурпировать её. Недавно администрация даже отрядила одного прыткого чиновника-крючкотворца, который начал сбор подписей в пользу чисто алтайского происхождения истории, несмотря на то, что одним из её героев является житель города Абакана, а половина событий произошла в соседнем с Алтайским – Бейском районе.

Извини, читатель, но тут я субъективен, как мать в отношении родного чада. Держу стору Алтайского района. Дело в том, что я три года прожил в аале Хызыл-Салда, который разваливается именно в Алтайском районе. Разваливался бы в Бейском – был бы за бейцев, вот такой я человек. В борьбе за своих не остановлюсь и перед ложью. Бейский чинуша (заметь, читатель, у нас чиновник, а у них уже чинуша), который тоже запасается закорючками (у нас – подписи, у них – закорючки) в пользу бейского происхождения легенды, подделал сто двадцать четыре загогулины. Крестик девяностолетней старушки Завьяловой вообще не действителен, так как вышить с jakim манером по официальной бумаге любой дурак сможет.

Видишь, читатель, как детально вру в количественном и качественном отношении. После этого мне нельзя не поверить. Пока районы бодались (почти сразу в борьбу за отцовство втянулся ещё и город с его более опытными и бойкими служками), легенда-малышка росла и ширилась, укрепляя слабых, урезонивая сильных. Где-то пару месяцев назад девчужка начала самостоятельно ползать и быстро расползлась во все стороны, как материя на китайском ширпотребе. В общем, теперь во всех без исключения районах Хакасии, в таёжной и степной зоне, в городах и сёлах, где соберутся люди по двое и более – поминается малютка добрым словом. Всяк норовит поставить себя на место героев легенды и задаётся вопросом: «А смог бы я»? И отвечает: «А чё не смог бы»?

Сто тысяч человек (округлил до меньшего) заверяли меня, что нет в наше время места подвигу, что эпоха неэпическая, что всё кругом несвобода, неправда, издевательство над личностью, – словом, полная дрянь. В этом плане я всегда всем поддакивал и даже нелениво добавлял новые факты несвободы, неправды и глумления над личностью. Мне правильно казалось, что так я оберегал лучших людей от преждевременного рассекречивания, дурацких насмешек и нечистых прикосновений.

Мне вообще всегда везло с лучшими людьми. Всё началось ещё в венгерском детстве, в котором старая мадьярка спасла меня, сына советского офицера, от гибели. Я чуть не принял смерть от удовольствия, конфетой, короче, подавился. Тогда, в 1988-ом, моя молодая мама растерялась, а венгерка – ни на секунду, как будто каждый день спасала давившихся леденцами детей оккупантов. Сейчас я понимаю, что мадьярка была совсем не старой, ей всего-то лет сорок было. Просто для нас, детей молодых командиров, – живших с родителями в закрытых военных гарнизонах Южной Группы Войск и не знавших, что такое лыжня, папа-не-офицер и пожилой человек, – все люди старше тридцати лет казались стариками. Если теперь я слышу по новостям о событиях в Венгрии, то мне кажется, что эти события напрямую коснулись моей мадьярки. Ну, тут я недалёк от истины. Венгрия всего-то 200 на 400 км.

И далее по жизни мне постоянно везло на людей. И в многочисленных школах фартило, и в институте, и даже в армии, хотя в этом месте удача, казалось бы, должна была полностью отвернуться от меня. Да, по «духанке» она отвернулась от меня на девяносто восемь процентов, но это же не полностью. Аж два процента мне осталось, маневрируй – не хочу, как говорится.

Знаешь, читатель, я даже устал от обилия замечательных людей в своей жизни, потому что мне поневоле приходилось подстраиваться под их принципы и идеалы, а это для такой гвардии бестии, как я, не очень-то легко. Уж до того я нынче распоясался, что в существование плохих людей верю меньше, чем в сказки. Намедни один человек здорово меня подставил. Я аж обрадовался. Слава тебе, Господи, думаю. Есть, значит, и подлецы на белом свете. Однако доверяй, но проверяй. В общем, давай я человека на чистую воду выводить, есть у меня способы. И что же вы думаете? Как соскрёб я щетину со свиньи, то не какой-нибудь там человек

с большой буквы, а прямо бесценный клад мне открылся, который сразу так и захотелось сдать в полицию и получить от государства положенное вознаграждение в размере двадцати пяти процентов.

И везде меня преследует народная красота, прямо житья от неё нет. На сегодняшний день я уже не сомневаюсь в её существовании. Теперь меня волнует другое: откуда она взялась после такого-сякого прошлого века и почему люди не замечают её ни в себе, ни в других? Вот относительно недавний пример. В конце июня 2010-го мы с Пижоном крыли крышу кошары рубероидом и матом. Пижон – рабочий моего отца и по совместительству – бомж и конченный алкоголик. Пекло, помню, было страшное. Кровь кипела в жилах. От горизонтального хранения на складе рубероид слипся, как иная сука с кобелём. Чтобы при размотке рулонов не делать в них дыры, мы работали медленно, аккуратно и предельно внимательно. Расслабился на секунду – получиай прореху. К обеду от изнеможения, перегрева и однообразной работы я пал духом.

– Кое-где можно и с дырами, – говорю. – Овцы под дождём вообще до нитки промокают и ни фиги. Ну, просочится на них три капли с крыши и чё? Не помрут, поди.

Пижон вскидывает на меня удивлённый взгляд. Смотрю, он реально не понимает, о чём я вообще.

– Батя не узнает, – продолжаю.

Теперь Пижон всё понимает. Он хмыкает с усмешкой и возвращается к работе.

– На себя всё возьму, ты не при делах, – решаю идти до конца, хотя уже вижу, что моя настойчивость не вызовет в напарнике ничего, кроме презрения.

– Дуй с крыши, без тебя управлюсь, – отвечает.

– Ген, ты чё? – говорю.

– Чё слышал, – отрезает и через пару секунд добивает: «Не бойсь, бате не сдам».

Я начинаю сгорать не только от жары.

– Больше не буду, – говорю после продолжительной паузы.

– Ничё, ничё – бывает, – отвечает Пижон, поднимает глаза к небу, щурится от слепящего солнца и радостно улыбается, как будто мы тут его крышу кроем, как будто он та овца, на которую теперь ни одной капли дождя не упадёт.

В тот день провозились мы на кошаре до ночи. А ведь на завтра Гене надо было рано вставать, раньше меня, хотя мне тоже в начале шестого. Признаться, после этого разговора шестерил я перед товарищем конкретно, старался ему во всём угодить, предупреждал все его желания. Не от страха шестерил, что он заложит меня отцу. Из уважения, конечно.

А вот ещё случай. Тут мне один сибирский мужик написал о том, что у нас старики брошены и что пенсия у них такая, что инфузория не прокормится. Типа, я не знаю. Сижу и снисходительно улыбаюсь в монитор, он всё равно не увидит. Славный чудак. В общем, печатаю ему скрещёнными пальцами, что я с ним полностью согласен. Видишь ли, читатель, этот мужик рулит одной (единственной) в Сибири премией, влияет, так сказать, на умонастроения нации. Может, от его вопля души и впрямь что-нибудь изменится, может, действительно пенсии поднимут, – откуда мне знать? Вот как его разочаровать?! Как пустить эшелоны его железных выкладок под откос?! Что я партизан какой-нибудь?! Между тем так и есть, хоронюсь в переписке под ником. Что он фашист разве?! Ну, фашист не фашист, а сибирский сепаратист в отставке (запасе) – это точно. Словом, рука у меня не поднимается написать господину N о том, что государство в вопросе о пенсионерах вообще не при делах, а потом привести ему в пример своего знакомого, который просто взял старых родителей к себе и убил несколько зайцев.

– Ты зачем, – спрашиваю у знакомого, – нам всё с ног на голову поставил? Мы, значит, на государство стариков хотим скинуть, а ты, стервец эдакий, домой родителей взял! Ведь, по твоим словам, теперь у тебя не только родители довольны! Ты ведь, оказывается, и в детсаде,

в котором, видите ли, нет мест, перестал нуждаться, – дед с бабкой у тебя с внуками сидят! Но тебе и этого мало! Говоришь, вы с супругой ещё и высвободились на пятьдесят процентов, когда детей на воспитание старикам отдали! Теперь вы с женой без помех занимаетесь карьерой, получаете образование, ходите к друзьям, ездите на Багамы!

– Я уж молчу, что решился квартирный вопрос моего брата, – добавляет. – Он с женой теперь в родительском доме живёт.

– Рано радуешься, – говорю. – У тебя дети без детсада не социализируются. Им общение со сверстниками нужно.

– На то и дед, – отвечает. – Он и не даёт пацанам за компом засидеться, на улицу их гонит, а там они где за мячик подерутся, где уже и за правду – так и социализируются мало-мало.

– Сукин ты сын, – говорю.

– Куда там, – скромничает. – Просто тупо взял и подогнал своё решение по родителям под заповедь «Почитай отца и мать», а потом как-то сам по себе начал нарастать положительный снежный ком: пристроенные дети, высвобождение времени, карьерный рост, увеличение доходов, учёба, счастливый брат.

Вот такой у меня народ, а не такой, как у некоторых. С выдумкой народ. Из дерьма конфету с чёрной начинкой созидающий (что-то не любят у нас конфеты с белым нутром).

Ну и бомба напоследок. Запаливаю фитиль. У нас тут китайцы под боком лес валят. Законно. То есть я совсем не уверен, что законно, но пусть будет законно – дадим китайцам фору, бог с ними. В полукилометре от этого безобразия лесничий Кондратий Христолюбов с тремя сынами живёт. И что вы думаете? Полагаете, егерь писульки стал кропать в высшие инстанции, что, мол, пропадают лёгкие планеты почём зря? Ага – щас! В том месте, где китаец один мачтовый кедр спиливает, семейная сборная лесничего два саженца втыкает. Вот такая арифметика. Главное, без бабских склок у них там, здоровая конкуренция какая-то, задорно всё, весело, по-спортивному зло. Может, чистый таёжный воздух влияет – не знаю. Словом, живут бойцы лесного фронта рядышком, обедают за одним столом, кашеварят по очереди, общаются преимущественно на китайском.

Почему на китайском? Ну, во-первых, наши меж собой покумекали и решили, что язык супротивника знать надо, а вот супротивнику русский язык знать не стоит. Во-вторых, средний сын лесничего после школы решил на ин. яз поступать; языковая практика, стало быть. В-третьих, сибирское гостеприимство, которое вам не какое-нибудь там крепостное право. В смысле, никто наше гостеприимство не отменял и, надеюсь, не отменит.

Случается, и подшутят наши таёжники друг над другом, не без этого.

– Лес ваша убиваем, – добродушно улыбается бригадир китайцев.

– Так давно обновить надо, – откусывается лесничий. – Сейчас рубите, а потом долго вас не увидим. За саженцами вам не резон вертаться, а в них будущая тайга высиживается.

Так и живут бок обок. И до того в последнее время русско-китайский союз окреп, что команда лесничего спокойно отлучается по своим хозяйственным и охотничьим делам без опаски за посадку.

– Уходим с пацанами на неделю, – предупреждает в таких случаях Христолюбов. – Дичи привезём, на одном рисе вам тайгу не потянуть. А вы уж тут за нас подежурьте. И чтоб без халтуры.

Трудолюбие, дисциплина и старание у китайцев в крови. Один раз даже пересолили они, чтоб угодить русским товарищам, цельным хороводом из пяти саженцев каждый срубленный пенёк окружили. Ох, и блажил же на них лесничий за это.

– Золотые вы мои дуболомы! – заходился. – Я ж вам чё сказал?! Блюсти расстояние между саженцами, сказал! Не частить, говорил! Сказано – два втыкать, значит, два! Это ща они прутики, а послезавтра где им развернуться?! Задушат друг дружку в объёмах веток!

Наорать-то наорал, но потом, однако, младшего своего отрядил за гостинцем.

– Сходи, сынок, до хаты, – сказал, – Принеси вражинам брусничного варенья. Подрумяним желтолицых витаминами, а то совсем зачихали, план не выполнят.

Такое дело, читатель. Абзац о тайге – ложь и провокация. Вот такая я конченная свинья. Но ведь чистосердечно признался же, значит, свинья уже не конченная, а порядочная. Больше скажу: даже и не хочу, чтобы в тайге всё было так, как я тут впопыхах тиснул, ведь стоит только размечтаться, загадать что-нибудь наперёд, и обязательно всё сорвётся.

Ну чё, Васёк... Замолвил я словечко за твой кедроч? Замолвил. Поборолся за него малость? Поборолся. На государство бочку катил? Нет. Может быть, ныл? Не дождёшься. В общем, с тебя пузырь, как условились. Жека Васильев по прозвищу Вася – это мой закадычный друг, бывалый охотник, один из девяти моих читателей и... **КЛАССНЫЙ ПЕВЕЦ** (на правах рекламы, вдруг число моих читателей увеличится на одного музыкального продюсера).

А если совсем по-честному, то мне на тайгу вообще плевать, хоть и по орехи в неё гоняю. Вот так. Для меня ведь она вроде любовницы. Приеду, выпью, по-быстрому получу от неё то, что мне надо, и весь исцарапанный и приятно опустошённый сваливаю домой. Мне даже не хочется знать, что у тайги какие-то там проблемы. Это вроде как она мне звонит, когда жена рядом, и говорит: «До меня тут китайцы домогаются». Домогаются и домогаются, мне то что? У неё парень есть. Это ты, Вася, если что.

А я на степи женат. Мы с ней состоим в браке по расчёту с 2007-го года. У нас сложный союз, несколько раз дело даже до развода доходило. Может быть, всё потому, что она, девственная и чистая, была взята мной без любви, силой взята. И не только мной, но и многими другими горожанами, решившими стать фермерами, когда произошли два чуда. Первое чудо заключалось в том, что рынок взвыл нечеловеческим и в то же время самым что ни на есть человеческим голосом: «Разнесло меня на одной вашей торговле во все стороны – скоро вдребезги разнесёт!» Вторым по счёту чудом стал нацпроект «Сельское хозяйство». Это чудо было малость в перьях, но дарёному коню, как говорится, в зубы не смотрят.

Короче, моё дело – степь. И не вся, а шмат в тысяча двести сорок гектаров, до которого можно добраться минут за двадцать-тридцать, если выехать по просёлочной дороге из села Аршаново на юго-запад, потом повернуть направо на двенадцатом столбе ЛЭП и протрястись по ухабам до урочища «Берёзки».

Теперь специальный абзац для гостей нашего хозяйства. На территории КФХ «Изых» всякий случайный путник – брат нам. Ровно до границы наших владений – брат. А за границей – брат одного из наших южных, северных, восточных или западных соседей. Словом, кому-нибудь – да будет братом! Не обольщайтесь – пока что только двоюродным. В общем, ещё слабовато в Хакасии в плане степного братства, ведь у нас всё только началось после развала 90-ых, даже пограничные столбы фермерских хозяйств ещё не пустили корни, не зазеленели листвой. Вот в соседней с нами Тыве степные традиции гораздо древнее, и оттого – человеколюбивее и строже. Один из моих товарищей был в тувинских степях по делам, и вот что он рассказал:

– Сидим, значит, обедаем. Вижу, скачет по полю всадник. Подъехал к нашему костру, молча сел, молча наложил себе баранины из казана, молча поел, молча попил чаю, молча покурил, стрельнул парочку сигарет, вскочил на коня и был таков. Кто такой? – спрашиваю у тувинцев.

– Человек какой-то, – отвечают.

– Вы это сейчас серьёзно? – спрашиваю.

– А что не человек разве? – дивятся.

Вот такая показательная история об отсутствии праздного любопытства. А теперь – к легенде!

1

Тпру-у-у – разогнался! Подождёт легенда. Надо сначала ввести читателя в местность, степь описать; так все маститые литераторы делают. А я хочу быть маститым. И чтоб масть была вороная, как у нашего жеребца Цезаря. Он авторитет по праву: сам беспрестанно ржёт, а табуну не до смеха.

Прямо не знаю, что и делать. По идее сейчас надо щедрой рукой швырнуть на страницу россыпь степных красот, распространиться на пяти с половиной листах о бескрайности пространств и уникальных каменных стелах на пупках курганов. Так вот это не ко мне, читатель. Это тебе надо идти к местным поэтам, приезжающим в степь в качестве гостей. Для них она и красивая, и бескрайняя, и широкая, и какая там ещё. Для меня же и моих товарищей степь – это трава да трава. Вон там – добрая. Там – средняя. Там – никудышная. Там – выбитая скотом. Там – под покосы пойдёт. Там – веники одни. Там – болотиной отдаёт, овца забракует. И много ещё разных «там» с массой информационных, хвалебных и уничижительных оттенков.

Какая уж там степная красота – не знаю даже. Накладывали мы как-то с хакасом Лёхой Боргояковым сено на телегу. Весной дело было. За зиму сено в зародке сильно спрессовалось, выдёргивали его на волю клочками, буквально по волосинке, если сравнить зарод с человеческой шевелюрой. Когда на телеге образовалась приличная копна, над нами журавлиный клин показался. Мы на минуту оторвались от работы и подняли глаза к небу.

– Красиво, – подмигнул Лёха с воза, чтобы угодить мне, потому что в его понятии для городского человека да ещё писателя клин в небе – это красиво.

– Ага, – ответил я, чтобы не разочаровать Лёху, хотя после чистки загонов и загрузки сена никакой красоты в клине не видел.

– Шестнадцать их, – произнёс Лёха. – Три пятёрки и один на остатке, – ещё раз пересчитал он журавлей для верности, как пересчитывал овец в расколе.

– Да какая разница, – сказал я. – Количество для красоты неважно.

– Как это неважно? – не согласился Лёха. – В прошлом году двадцать одна голова в клине была, сейчас – шестнадцать. Убыло же, уже не так красиво.

– Может, это вообще другой клин, – заметил я. – Чё клиньев на свете мало?

– Ни фиги, это прошлогодний клин, – упёрся Лёха. – Просто вашенские шмаляют по журавлям почём зря.

– Типа, вашенские не шмаляют, – вступился я за городских.

– Нашенские – по зайцам да по лисам, сено накидывай давай, – зло произнёс Лёха, и я понял, что беседа окончена.

Разговоры людей, живущих и работающих в степи, как правило, носят прикладной характер. Однако как много могли бы почерпнуть для себя поэты, любящие степь в отдалении, если бы послушали препирательства бывалых чабанов о том, где надо пасти скот. Перо рафинированных рифмоплётов онемело бы от живости и сочности языка пастырей, от обилия тех художественных средств, которые идут в ход, когда, например, Лёнчик доказывает Петрухе, что пастьба за Бездонкой – скоту на погибель, курам на смех и хозяину на фиг. И даже запестрят в воздухе «калории», «продуктивности», «белково-углеводные балансы» – пусть и не к месту употреблённые, но такие вкусные, что хоть со сметаной макай. Если перед спором мужики выпьют, то можно не только записывать за ними, но и снимать их. Бурьян в двухстах метрах от Волчьей пади очень бы удивился, если бы узнал, что он что-то вроде прекрасной дамы, из-за которой Лёнчик разодрался с Петрухой.

При этом пастухов надо именно подслушать, не показываясь им на глаза. Пугливый они народ. Зайдёте в лобовую атаку с камерой, диктофоном, записной книжкой, и мужики заблеют, замычат что-то невнятное под стать своим питомцам, но, скорее всего, вообще замолчат. Желает

ние у них будет одно: удрать от вас за тридевять земель. Сразу явятся какие-то непоенные телята, сбитая спина кобылы, которую надо срочно подлечить, совхозный зерноток, на который необходимо сию минуту ехать за отрубями, так как на смене кум-сват-брат, он не обидит, отпустит, как для сэбэ.

В общем, никакая степь не широкая, не бескрайняя и подобное. Она разная. Это универсальное определение даёт ей право быть крайней и бескрайней, как тёща, осенней и весенней, как воинский призыв, ветреной и постоянной, как девушка, тоскливой и весёлой, как уж придётся.

2

Разгар июля. Ни ветерка. Пекло. Два юных всадника – хакас и русский – наискосок пересекали так-себе-озерцо с буйными зарослями камыша. Их кони по-хозяйски вспенивали воду и разрезали высокую траву, создавая сильный шум. Парни двигались спина в спину. По уверенности и безбоязненности, – с которыми они косились на недовольных рыбаков, – можно было сказать одно: едут местные.

– Эй, потише, всю рыбу распугали! – не выдержал мужик, сидевший в надувной лодке и проверявший сеть.

– Обрыбишься! – огрызнулся хакасский паренёк. – Вы наше озеро через сито процеживаете, икре подрасти не даёте, а мы вам звук убавляй!.. Но, пш-ла-а-а!

– На пользу же Вам! – дружелюбно откликнулся русский парнишка. – Мы ж карася с камыша гоним!

Ребята выбрались на берег и остановились. Одеты они были одинаково: в джинсы, рубашки в крупную клетку, кеды и красные бейсболки с логотипом крестьянско-фермерского хозяйства «Тарпан».

В сёдлах они сидели прямо. Но хорошая осанка русского (звали его Володей Протасовым) выглядела фальшиво, потому что выставлялась напоказ. Если на парня никто не смотрел, он становился вялым, переставал контролировать себя и сгибался в рыболовный крючок, на который безбоязненно наживлялись мухи, комары и оводы. Спина хакаса Сашы Челтыгмашева была небрежно-прямой от рождения, внимания к себе привлечь не старалась, поэтому смотрелся он на своём вороном так, как и полагается кочевнику в тридесATOM по поколении.

– Время скока? – спросил Санька. – Поди, на связь пора выходить.

Вовка нарочито-ковбойским движением схватился за ременной чехол от телефона, выдернул мобильный, как кольт, взглянул на экран и бросил:

– Двенадцать без двадцати.

– Звякни деду, что всё норма, – попросил Санька.

– Не выйдет... Как от Лёнчика отъехали – связь пропала.

– Тогда СМСку катай и мобилу – в небо, – сказал Санька. – На высоте по любой отправка работает.

– Ни фига, – возразил Вовка. – Мы на озёрах, – не забыл? Да и «БиЛайн» у нас.

– Рыбаков в ихней конторе, что ли, нет? – расстроился Санька. – Говорил, надо было на «Мегафон» переходить. Там по любой мужики работают. А в «БиЛайне» что? Одно бабьё! Оно специально сюда связь не проводит, чтобы мужиков под юбкой держать.

Саньке хотелось выглядеть знающим жизнь и женскую природу. А мужик, знающий жизнь и женскую природу, в его понимании, должен был вести себя цинично и пренебрежительно по отношению к жизни и прекрасному полу. Весь его вид говорил: «Плавали – знаем». Однако дальше буйков, если говорить о тех же женщинах, Санька ни разу не заплывал. А выводы о безбрежном море скопировал у не самых лучших деревенских из числа бывалых. Трепет и романтику он в себе подавлял. Чем выше поднималась в нём волна тепла и нежности в отношении знакомых ему девушек и вообще людей и событий, тем развязнее он себя вёл.

А ведь с рождения у Саньки была другая природа: мягкая, волнительная и отзывчивая. Она прорывалась и гасилась. От постоянной борьбы с собой он всегда был внутренне взломан. Эта борьба зачастую порождала странные ходы мыслей и поступков и оригинальную болезненную словоохотливость.

– Сань, да с «БиЛайном» всё просто, – улыбнулся Вовка. – Не выгодно просто.

– С чего это? Кругом глянь. Рябит от рыбаков с баблом, по снастям сужу. У таких на балансе бабок – не то, что у нашего брата. Они и базарят без экономии. Со смехом, если

требуется. С философией навроде той, что нам дед задвигает. С паузами, если тупят. Они могут себе позволить тупить, – прикинь? И таких мужиков взяли и лишили общения!

– Пять минут назад они тебя напрягали, – заметил Вовка.

– Так то пять минут назад! А сейчас гляжу – отличные ребята без связи сидят. Зря мы их накалили на переправе. Нахаркали в колодец, с которого можно было деду звякнуть. Надо было через раз шуметь – местами. Не у всех же «БиЛайн». Вон тот, зырь, базарит из камыша... Ёперный театр – с берегом! Насчёт ухи, что ли, консультирует? – Санька аж привстал на стременах. – Блин, тут доехать-то!

– Чё делать-то будем? – перебил Вовка.

– Судьбу накалывать, чё. Главно, повыше мобилу кидай. Так, чтоб она в небе прописалась, как тётка у меня в хате. – Санька вперился в сторону деревни Аршаново и процедил: «В смысле – временно. А то б я давно уже из дома навинтил – всю кровь свернула».

– Ну, подкину, а потом запчасти по земле собирай.

– У тебя ж «Samsung», даже если шмякнется, – осклабился Санька. – Степная модель, такой хрен чё сбудется.

– А давай ты со своей мобилы, – предложил Вовка.

– Ага – шас! – И без того узкие азиатские глаза Саньки вдруг стали пунктирными линиями. – У тебя батя кто?.. Миллионер! У «Тарпана» такое поголовье, что это уже ни фига не поголовье. Это, извини меня, подотряд или вид – не помню, как там по биологии. А у меня батя кто?.. Лётчик! С рождения не видал. Командировка, типа. Денег не шлёт. – Санька деланобраво улыбнулся. – А чё – за идею работает, не то, что твой.

– Чё ты язвись всё время? – обиделся Вовка. – Отцом попрекаешь. Типа, я не на равных с тобой комаров кормлю.

– Ладно, – примирительно произнёс Санька. – Это я так – жрать просто хочу. Бросай мобилу, а потом обмозгуем, как харч добыть.

Вовка спрыгнул с коня и взошёл на ближний курган, чтобы получить выигрыш в метрах.

– Не подведи, родная. Чирикни там, наверху, – прошептал он и набрал в СМСке: «Идём по графику, дед».

– Поехали! – крикнул Санька.

Телефон взмыл в небо взапуски с мальчишескими молитвами. Метрах в десяти от земли, ещё на взлёте, мобильный пропиликал.

– Ушла! – выдохнул Санька и бросил: «Лови!»

Но Вовка и без друга видел, что телефон, подброшенный дрогнувшей от волнения рукой, полетел вверх под углом, который выстраивают рукой пионеры, готовясь к подвигу. Он молча бросился к озеру, в которое камнем падал мобильный. Самоотверженный прыжок – и Вовка с зажатым в руке телефоном ушёл под воду.

– Погиб при исполнении, – сказал Санька, когда его друг вылез на берег.

– Фигня – высохну, – улыбнулся Вовка.

– Не ты, дура... Мобила!

Всадники въехали на курган, который недавно был Байконуром. В животах у обоих посаывало. Санька достал бинокль из притороченного к седлу вещмешка и без спешки осмотрел озеро.

– Вон та компания нам в самый раз, – не отрываясь от бинокля, изрёк он, указав на группу оживлённых людей на другом берегу. – Таких хлебом не корми – дай на конях прокатиться. Может, и заработаем на пожрать... Пять пацанов, водяра, закусь нехилая... Девчонки в палатках. – Санька сплюнул. – Блин, девчонок на рыбалку! А потом ноют, что карась на их червя кладёт с прикладом!

– Девчонки нам на руку, – аккуратно заметил Вовка. – Парни покрасоваться захотят.

– Да знаю, знаю, – отмахнулся Санька. – Это я так – на себя злюсь. Потому что через убеждения переступить придётся.

– Сильно, бухие? – спросил Вовка.

– Как надо, – подмигнул Санька. – Нам... Средняя стадия, само то... Короче, надо товар лицом показать. Работаем так. КРС поим возле этой компашки. Но не сильно близко, а то заминирuem поляну, с которой самим же жрать. Собираем стадо не как положено, а на скоростях, с поворотами, с дыбами, как в хреновых фильмах о нашей работёнке. Но без перебора. Если городские заботятся коней – голодом останемся. Подтяни подпругу у Лынзи – провисла. Заходим по широкому кругу, с разных сторон. Бурёнки на Васильковое поле выдвинулись. Как знали, что надо будет их на глазах сгуртовать... А теперь пусть готовят мобильнички. Будут им ещё и фотки. В как там его? Ну ваш, этот.

– «ВКонтакте»? – спросил Вовка.

– Не.

– «Одноклассники»?

– Ни фига.

– Типа, ты разбираешься! – психанул Вовка.

– Третий вариант называй! – сверкнул глазами Санька.

– «Фэйсбук»?

– Ну.

– Чё «ну»?

– «Фэйсбук», чё.

– И чё «Фэйсбук»?

– Ты ж сам говорил, что он круче, – сказал Санька. – Нафига нам в хреновых местах светиться?

– Типа, нас кто-то спрашивать будет, – усмехнулся Вовка. – Куда захотят, туда и выложат.

– Это смотря, как покажем себя, – сказал Санька. – Тебя, может, и в «Контакт» запихают, как начинающего. А я пастух с опытом. Они не дураки – увидят.

Вовка закатился от смеха.

– Чё ржёшь? – уставился на друга Санька.

– Просто, – сквозь хохот выдал Вовка.

– Думаешь, я тупой?

– Не.

– А чё ржёшь?

– Весело, – промычал Вовка.

– Я, по-твоему, клоун? Или, мож, мой конь – клоун?

– Ты – нет, а Орлик – тем более, – искренне заверил подавивший смех Вовка.

– То есть ты животину выше седока поставил.

– Сань, я просто хотел сказать, что ты... ну, другой.

– Сам ты другой!

– Ну, относительно тебя – да.

– Относительно меня ты относительно никакой, – заключил Санька, поднял коня в дыбы и рванул с места в карьер.

Метрах в ста от озера всадники с улюлюканьем стали сбивать стадо КРС в кучу. Пятиколенные бичи звонко полосовали раскалённый воздух. Коровы на рысях послушно устремились в круг.

А вот телята взбудоражились и вышли из повиновения. Они привыкли к спокойному поведению людей на конях. Бурное вторжение всадников было воспринято ими как призыв к игре. Подняв хвосты, брыкаясь и скача, малыши начали носиться друг за другом. Скоро

в гонки с частыми сменами направления и резкими торможениями было вовлечено всё ребячье население стада. Телята рассыпались по полю.

Подчинившись беззаботно-весёлому настроению отпрысков, впали в детство и два неразлучных быка-производителя породы герефорд. Тонные туши вдруг потеряли всякое понятие о статусе отцов поголовья. Квадратный приземистый Матуська упёрся безрогим лбом в массивную ляжку Кеши и принялся с пробуксовкой толкать брата по кругу. Лоно природы стало клоном природы. Классическая картина превратилась в постмодернистскую мазню.

В разгаре солнечного дня блистали местечковые звёзды – кентавры Санька и Вовка. Оба выкладывались. Это были разные кентавры. Искушённый в верховой езде Санька был конь конём. Менее опытный Вовка – человек человеком.

– Реальные кадры, – сказал молодой рыбак в дорогой амуниции, снимающий сбор стада на телефон. – Навернутся – цены не будет.

– А не жаль тебе их? – спросил у него товарищ, подкладывая дрова в костёр.

– Ну, их работа случайно стала моим развлечением. А твоим нет?

– И моим...

– А может стать в интернете развлечением тысяч, если один из них полетит кувырком. Знаешь, люди устают после работы, где их дробит начальство, где им платят гроши. Одни развлекаются перед трудовым днём и запасутся поводом для бесед с коллегами. Другие посочувствуют, бросятся кропать в блоги, увлекутся, собьются с темы, но таки соберут мильён для кошачьего питомника под Мухосранском. Третьи узрят на видео нарушение условий труда крестьян и начнут строить гражданское общество на сломанном копчике нашего пастуха. Чтобы стать героем – парню надо всего лишь навернуться перед глазком моего телефона. Кстати, я за это не получу ничего. Я статист.

– Но это цинично...

– Назови качество, за которое меня выдвинули на коммерческого директора.

– Высокий профессионализм.

– Вот я тебе и говорю как профи: для полноты картинки надо, чтобы хотя бы один из них грохнулся. Не вру, не строю из себя святошу, а говорю, как есть. Даже как надо.

– Далеко пойдёшь.

– Я украл что-нибудь?

– Нет.

– Подставил кого-нибудь?

– Не припомню.

– Если кто-нибудь из них сломает себе шею, первую помощь окажу?

– Да хорош уже...

– Тогда чё те надо?!

– Андрюха, ты не такой ведь...

– Куда там.

– А чё на Мальдивы не поехал? Уж и конторе всей в картинках описал, куда лыжи навестрил. А пятый день на «Сороказёрках» торчишь. Жена ему названивает: «Милый, ты же обещал». А он ей: «Потом, Оля»... Так хоть бы клевало! Хоть бы не любил её!

– Отвянь.

– Признайся же, что тебе тут по кайфу. Вот так вот заплыть на лодке и высидивать в камыше непонятно что.

– Не знаю.

– Не знает он... Пятые сутки уж пошли, как не знает. Днём ещё ладно, а вот ночью особенно притихнет и не знает... Ну, когда деревенские мужики на соседней стоянке уловами при царе горохе хвастают.

– Причём тут мужики вообще?

– Притом... Так говорят, что вспоминаешь то, чего с тобой сроду не было. И хочется подойти к ним и задать вопрос жизни и смерти: «Мужики, закурить не будет?». И узнать, что початая пачка с истиной вон там – под дождевиком лежит, чтоб не намочило.

Проделав цирковые номера, юные всадники съехались для совещания.

– Может, оно им и не к спеху, на конях-то, – подумал Санька. – Сытые, пьяные. В нашу сторону и не смотрят.

Ему вдруг стало обидно, что ради брюха пришлось взбудоражить скотину на такой жаре. Отыгрался он на Вовке.

– Чё гонял, как ненормальный? – так спросил Санька у товарища, как будто сам был изначально против своей же идеи устроить представление. – Чую – пожрали с подливом.

– Может, срастётся ещё, – сказал Вовка.

– Ага – щас... У них по любой сейчас одно на уме: ночи дожждаться и заняться сам знаешь чем. Сдалось им твоё катание.

– Так одно другому вроде не мешает.

– Не до нас им, тебе говорят, – с видом знатока произнёс Санька и понёс речь, заимствованную у кого-то из деревенских сидельцев. – Бабы двигаются и разговаривают с прицелом. Чтобы понравиться. Стало быть, незамужние. Ржут и ржут. Не голосом – утробой хохочут. Думаешь, им смешно? Ни фига. Вслушайся. Одним вообще не до смеха, годы уходят. Другие просто – для сотрясения воздуха. Рожать самая пора.

– Точно, – с восхищением сказал Вовка.

– Обращайся, если чё, – доигрывая роль бывалого, небрежно ответил Вовка, но удовольствия от спича не ощутил. – Закурить дай.

Курильщики парни начали недавно и капитальной зависимости от табака ещё не приобрели. Дымили они больше друг для друга, чем для самих себя. Санька впервые взял в руки сигарету за полгода до описываемых событий – упрочивал лидерство среди сверстников. Вовка нашёл в пускании дыма что-то мечтательно-философское месяца три назад и на переменах стал бегать за гаражи. Курили они тоже по-разному. Санька делал это как мужик, стеснённый по времени. Он прятал сигарету в кулак, а потом неглубокими и частыми затяжками скашивал её до самого фильтра. Вовка курил, как английский джентльмен в клубе для рождённых править Британией. Он делал это не спеша, затягивался глубоко, окутывал себя дымом и, добравшись до середины сигареты, небрежно закруглялся.

– Опять бычок не затушил, – попенял Санька другу. – В какой раз уже. Хошь, чтоб степь полыхнула?

Вовка молча слез с коня и направился к дымившемуся окурку.

– Давай – скажи ещё, что зелёнка кругом, – наседали Санька, – что негде палу зародиться.

Вовка не реагировал.

– Игнорируешь меня? – психанул Санька. – Давай, давай! А я тебе пока про шалгиновскую дойку расскажу. Горела, как ненормальная. Пока вся не выгорела – фиг успокоилась. Два трупа – кассирша и управляющий. И это без доярок и животины, – кто их там считал!?

– Так там вообще проводка замкнула, – не выдержал Вовка. – Некорректный пример.

– Хорошо. Сейчас мы поедим в Шалгиново, и ты всей деревне скажешь: «Куча трупов – это некорректный пример». А я в сторонке постою и посмотрю, чё с тобой сделают... Короче, закон о куреве знаешь?

– Знаю.

– Забудь.

– Как?!

– КАКОМ!.. Нет такого закона. Есть заповедь. Закон – это когда перед другими отчитываешься, заповедь – перед собой отчёт. В воде по горло стоишь – и то затуши.

Молодецкий свист со стороны подвыпившей компании...

– О-па, – замерев, произнёс Вовка. – Про самцов-то ты и забыл в своих наблюдениях. Кажись, клюнули.

– Я ж говорил! – вмиг воскрес Санька и затараторил: «Главное – не кипишишь под клиентом. Видать, не зря ты чуть два раза не навернулся! Короче, самим не стоит подъезжать, а то подумают, что оно нам надо. Пусть сами подходят, хотя опять же вдруг им лень».

– Заткнись уже, – улыбнувшись, обрубил Вовка.

3

– Здорово, пацаны, – обратился к нашим верховым худощавый высокий парень, одетый в военные штаны и футболку. – Нам бы прокатиться. Как смотрите на это?

– Там нам это – некогда, – ответил Санька. – Скотину надо гнать.

– Да пусть пока тут попасётся, – сказал парень. – Поди, ничё.

– Трава на этом пятаке беспонтовая, – возразил Санька. – Калорий – ноль. Не пожрут нормально – в зиму падежа жди.

– Да мы всего один час покатаемся!

– Ща каждый час – на вес золота. Поголовье вес набирает. А не наберёт – отрыгнётся потом. Знаешь, чё такое ослабевшую корову поднимать? – В разгар жары Саньку обдало холодом, он вспомнил страшную зиму 2008-го, колхозный гурт, себя пятнадцатилетнего. – Одну оглоблю – под передние ноги, вторую – под задние. И вчетвером поднимали, значит...

А тут телёнок ещё трётся. Пытается к вымю подлезть. К лежачей-то. А мы её поднимаем, а она опять падает. Мы её поднимаем, а она – опять. Мы её на бок кантуем, чтоб молоко сдоить. А молока – хрен! Откуда ему взяться? Схудала, сил у неё нет. У неё сил, а у нас – кормов. Неурожай, сена на четыре дня осталось. Вставай, сука, орём. Телёнок у тебя. Лупим её, значит. Но её уже ничто не спасёт, все знают. Даже дроблёнка. Хоть в задницу пихай – толку ноль. Понос от дроблёнки откроется, ещё быстрее сдохнет. А потом...

Потом забиваем её. Телёнок орёт голода. И медленно умирает. Сутки, а то и двое. Это для вас две головы – не потеря. Канеш, когда целое стадо по кругу бродит. Вы и не заметите, если десяток-другой исчезнет. А для пастуха потеря одной головы – конкретная брешь в стаде. Глаз режет, как видать, что 37-ой нет. И маешься...

А ведь не одна голова тогда слегла. По утрам боялись КРС поднимать. Идёшь и думаешь: «А вдруг и эта не встанет?» Когда все лежат спростонья, вроде как кажется, что у всех всё нормально. Но вот поднялась первая, вторая, десятая. А двадцатая полёживается, жвачку жуёт.

– Орбит, – попытался разрядить атмосферу Вовка. Неудачно.

Повисла тишина. Задумались кто о чём. Мёртвый телёнок неплохо создал атмосферу.

– А всё равно – круто вы гарцевали, – первым очнулся парень.

– Фигня, наши кони ещё не то могут, – хвастанул Вовка. – Могут и скинуть запросто.

Санька зыркнул на друга и стал выправлять ситуацию:

– Они резвые, когда мы их специально раскочегарим. А так – клячи клячами. Орлику сто лет. Идёт – спотыкается. Того и гляди – завалится и придавит ненароком. – Санька понял, что переборщил. – Правда, ни разу так и не упал. Ага, даже крена маломальского не даст. Не дождётесь, говорит. Дурацкий, короче, конь. Всех любит. Кормишь его, поишь, а эта дура неблагодарная всех готова на спину усадить: что хозяин ему, что Вася Петров.

– Говоришь, старый, а зубы вон – как фарфоровые, – с недоверием произнёс парень.

– Так вставные, – нашёлся Санька.

– Не гони. Чё-то не слышал я про конских стоматологов.

– Ты и про педикюр конский сто пудов не слышал, – встрял в разговор Вовка.

– За базаром следи, напарник, – сказал Санька. – Может, твой Лынзя и педикюр, а Орлик – мужик.

– Я про ковку копыт, неуч. На человечесьем языке – педикюр.

– А-а-а, – с пониманием протянул Санька.

– А твой тоже спокойный? Не сбросит? – спросил парень у Вовки.

– Мой вообще пьяных любит, – соврал тот, увидев, как их нового знакомого чуток повело в сторону. – Это всё прежний хозяин. Он бухал каждый день, но за Лынзей смотрел, как надо. Вот ты сейчас дыхнёшь на коня – он как с хозяином прежним повстречается.

– Так я это махом, – сказал парень и подошёл к Лынзе.

– Лучше не надо, – сдав назад, предупредил Вовка. – У коня стресс может случиться. Сердце у него того – хоть и с арбуз, а всё же не каменное. Он уж тыщу лет хозяина не видел, а тут на тебе – яркая весточка в нос. Обширный конский инфаркт – не шутка. За ветеринаром ехать придётся. А у Дим Димыча одна микстура – забой. В общем, постепенно надо Лынзю к встрече с хозяином готовить. Пошатываться, горланить песни, материть райсобес.

– Прикальываешься? – почувал парень подвох.

– Если бы, – вошедши в роль, буркнул Вовка. – Сам не рад. Сопьюсь ведь с Лынзей с этим. Да и претензий к райсобесу не имею. Чё это вообще такое – «райсобес»?

– Это вроде грыжи, – уверенно заявил Санька.

Посмеялись и поехали к стоянке, где расположилась компания. Познакомились легко и просто, как это всегда бывает на природе да ещё под градусом.

– Лен, конь – само спокойствие, никакой нервной деятельности, – уже через пять минут расхваливал Санька своего Орлика фигуристой симпатичной брюнетке в майке и шортах. – Росинант, одним словом. Его в своё время Петруха Ахпашев обкатывал. Для своего годовалого сына. То есть даже для дочки. Для Любки, значит. Чтобы бережно возил и так далее.

– А почём прокатите? – улыбаясь, спросила брюнетка.

– Поели бы, а так – бесплатно.

– Как бесплатно?

– Ну как – ну так, – пожал плечами Санька.

– Так не бывает, – со знанием жизни улыбнулась брюнетка. – В Абакане, к примеру, за круг на лошади сотню берут.

– Да ну! – вскинул брови Санька. – В натуре?

– По праздникам даже больше.

– Это чё ж получается... Я вчера на миллион, чё ль, накатался?

– Тебе виднее.

– Нет, ну если я в седле с шести утра до одиннадцати вечера проторчал, значит, где-то на миллион. Вов, слышал! – просияв, крикнул Санька другу, который расписывал Лынзю под гжель двум парням на другом конце поляны. – Мы с тобой, короче, миллионеры получаемся! В городе сотню за круг берут!

– Не понял! – откликнулся Вовка.

– Я говорю – в городе сотню за катание берут! За один круг, – прикинь?! А мы можем себе позволить весь день с коней не слазить! И мы позволяем! А куда деваться – пешком же не натопаешься! Олигархи мы с тобой, короче!

– Точняк!

– Не, ну ты победнее, конечно, будешь! Ты так – богач просто!

– С фига ли я просто богач?! – возбух Вовка. – Если чё, мы с тобой одно время верхом проводим!

– Ты про вчерашнюю ночь забыл! Ты дрых, а я за овсом до дойки гонял! Тыщ на семьсот, однако, прокатился!

– На четыреста! – запротестовал Вовка. – Больше за такое расстояние не дам!

– Кого четыреста! По объездной гонял, чтоб на глаза никому не попасться!

– Ах, вон оно чё! Опять тырил! – вскричал Вовка.

– Кого тырил?! Взял в долг надолго! – отбрехивался Санька.

– На воре бейсболка горит!

– У тебя такая же! – осклабился Санька. – На лбу – «Тарпан»! Вместе полыхаем!

– А ты меня под свои дела не подписывай! – бросил Вовка.

– А ты скажи своему отцу, чтоб кормами вовремя снабжал! – крикнул Санька. – Кони – не станки, не выключишь! Им при такой нагрузке каждый день овёс нужен!

– Проехали! – сдал один пункт Вовка. – А чё ты про вчерашний обед не вспоминаешь?! А?! Ты седло чинил, а я КРС за барханами подворачивал! Знаешь, сколь километров на копыта намотал?! На миллион потянет!

– Не надо ля-ля! Там езды тыщ на триста – не больше!

– Тебе говорят – стадо аж до Кирбы растянулось! Спасибо Марлоске! Я её потом здорово прогнал, чтоб не уводила!

Забыв обо всём, всадники съехались на центр поляны и продолжили перепалку. Городские оторопели. Они ничего не понимали. Растерянность, однако, совсем не помешала двум отдыхающим включить камеры на мобильных телефонах и начать съёмку. Они выбрали позиции, вытянули руки и стали сосредоточенно фиксировать происходящее. Операторы преследовали разные цели.

Девушка в топике не была лишена художественного вкуса. Её интересовала, прежде всего, картинка. Она даже чётко представила музыку, которую позже наложит на видео.

Лохматого парня в красной футболке с портретом команданте Че на груди занимала не столько картинка, сколько звук. И даже не столько реплики героев, сколько ожидаемые комментарии к ним на форуме в Живом журнале.

Пастухи постепенно раздухарились. После пяти минут перепалки они сошлись только в одном: расценки на катание должны зависеть не только от расстояния. Время суток, скорость перемещения, ландшафт местности, физическое и моральное состояние коней, погодные условия – всё это, по их мнению, необходимо было подвергнуть учёту и переучёту.

Отдыхающая молодёжь в испуге отпрянула назад, когда в какой-то момент воинственно заржали, взвились в дыбы и едва не сшиблись грудями кони, как их далёкие пращуры под сёдлами Пересвета и Челубея на Куликовом поле.

Неизвестно, чем бы закончился словесный поединок, если бы не подгадил Лынзя. Он выдал из-под хвоста целую ленту сарделек и тем самым понизил градус страстей. Вовка от стыда за своего подопечного стусевался и не ввёл в бой убийственный, по его мнению, аргумент, заключавшийся в том, что Лынзю во время галопа стабильно относит в сторону от заданного направления, благодаря чему увеличивается на треть любое расстояние.

Поляна покатила со смеху... И вдруг – протяжный стон из палатки, стоявшей в отдалении...

4

С криком «Аня!» парень с портретом Че Гевары на футболке бросился внутрь. Минут через пять он вышел из палатки и с тревогой посмотрел на друзей. Парень был бледен. Пастухи, привязавшие коней к бамперу «шестёрки» и кутившие на бревне, заметили, что окружающие как будто сразу поняли, что произошло. Две девушки, переглянувшись, быстро проследовали в палатку. Остальная компания, сгрудившись вокруг парня, стала в полголоса совещаться.

- Надо в город срочно.
- Не довезём.
- Под шафэ мы.
- Надо скорую вызвать.
- Я ж хотел её на свежий воздух, на природу. Ещё же целых два месяца!
- Если везти, растряём.
- Сюда же довезли.
- Так сюда как черепахи ползли, – услышали пастухи реплики.

Через минуту брюнетка, которой Санька расхваливал Орлика, вышла из палатки и сообщила:

- Рожает. Я говорю: «Тебе же не срок». А она: «Оступилась, Валь».

Санька присвистнул и тихо шепнул Вовке:

– По ходу – отёл у них тут. До чего ваш город иногда безмозглый. Рожа-а-а-ет, тебе же не с-ро-о-о-ок, осту-пи-и-и-илась, – в сердцах передразнил он брюнетку. – А ведь по любой крутую шаругу закончила. Вроде умные, да с одного бока.

- Ну всё – забрюзжал.

– Природки им захотелось, – сплюнул Санька. – Какая-то безалаберность, сколь раз замечал. На десять лет планы строят, а на десять часов вперёд заглянуть не хотят. Захотели – поехали. А чё – деньги есть, время есть, машина есть – и поехали. Погода отличная, палатки от дождя есть и зашибись. А тут нате вам! Погода отличная, палатки от дождя есть, а человека рожать приспичило. Короче, пора сваливать. Хавчик я уже заныкал.

- Когда успел?
- Все вопросы – к рукам, – сказал Санька. – Они у меня сами по себе.
- Правша? – спросил Вовка.
- Ага.
- Значит, зачинщицу уже знаю.

– Не скажи. В школе училка была. Трухлявая, как пень. Реальная Изергиль. Надо, говорит, правой писать, а не левой. Я переучился. С тех пор, не обламываясь, пакоцу обеими.

Парень с фотографией команданте Че на футболке метался по лагерю, не зная, за что схватиться. Из палатки снова послышались стоны. На поляне забегали. Одни девушки собирали вещи, другие пытались дозвониться до скорой. Парни сворачивали палатки. На лицах людей была растерянность.

– Роды же принимал? – понаблюдав за суетой и что-то решив для себя, как бы невзначай спросил Вовка у друга.

- А то не знаешь, – ответил Санька, приторачивая вещмешок с провизией к седлу.
- А с проникновением, – Вовка замялся, – ну, туда?
- Бывало, и там шарился, если голова не проходила или какой другой косяк.
- Ну и как там?

– Приплод говорил – жить можно, – пошутил Санька. – До года... А чё – находишься на полном довольствии, только мокровасто и темно.

- Ясно... Короче, ты сейчас пойдёшь и поможешь ей.

– А, вон ты к чему, – наконец, смекнул Санька и посерьёзnel. – Нет. Нельзя. Человек всё же. – Он вскочил в седло, и Орлик заиграл под хозяином, готовый сорваться с места. – Пора нам. Отару не вижу. Надо поискать, где заныкалась.

– Ты примешь ребёнка! – громко произнёс Вовка, чтобы все слышали. Чувствуя собственное бессилье, он как бы искал сторонников.

– Хочешь – давай! А я – нет!

– Только попробуй удрать!

– А то чё?

– Через плечо!

– Ты вообще знаешь, чё такое роды?!

– Я – нет! Ты знаешь!

– И чё?! – воскликнул Санька. – Это не жеребёнок. Не телёнок. Не ягнёнок тебе. Ребёнок это!

– Тот же ягнёнок, только двуногий! Слазь!

– Да пошёл ты!

– Уволю же!

– Вот ты и вскрылся, папенькин сынок, – презрительно улыбнулся Санька и резким движением распустил бич на боевую длину. – Вся натура твоя на поверхность вышла. Люди для твоей семейки – пыль, тварь двуногая. Держи метку!

Свист бича. Восьмёрка в воздухе. Щелчок с оттяжкой. Глухой стон рухнувшего на землю Вовки. Истошный крик роженицы. Шок у городских.

Сплюнув, Санька спешился, привязал Орлика и направился к палатке.

– Куда?! – вырос перед ним парень с фото команданте Че на футболке.

– В п...у, – доложил Санька.

– Не пуцу! – сказал парень, и челюсть его затряслась, в глазах наметилась влага.

– Э, давай без истерик.

– Назад!

– Да пойми ты, дурень.

– Назад!

– Заклинило?

– Назад!

– Вован! – не сводя с парня глаз, крикнул Санька. – Кончай боль свою лелеять! Видишь – дурак! Скажи, чтоб рассосался!

Отбросив обиду, Вовка поднялся с земли и утёрся рукавом. Его лицо было наискось перечёркнуто красной чертой, как орфографическая ошибка в диктанте. Все взгляды устремились на него.

– Он спец! – сказал Вовка. – Ему без разницы! Что семечко из подсолнуха! Что яйцо из курицы! Что жеребёнка из кобылы! Он может такое...

– Короты речь, роженицу глянуть надо! – перебил Санька.

– Короче, у вас нет выбора! – послушно округлился Вовка.

– Слыхал? – сказал Санька стоявшему перед ним парню. – У тебя нет выбора, поэтому будешь делать, что скажу. Конкретно тебе нужно звонить в скорую, а не стоять у меня на пути. «БиЛайн» тут не берёт. Другой оператор нужен. Какой – не знаю. – Санька указал на противоположный берег. – Рыбака видишь в камыше? Засекай место. Он оттуда базарил по мобиле. Сгребает сотовые с разными операторами и дуешь туда на всех парах. Может, рыбак уже переместился с нужного пятачка. Тогда тупо курсируешь вдоль берега и ловишь связь. – Видя, что парень близок к нервному срыву, Санька похлопал его по плечу. – Не бойсь – поймаешь. Когда всё закончится, свечку за «Мегафон» поставишь. Или там за «МТС». Всем трезветь. Иди».

Санька вошёл в палатку и бегло осмотрелся. В центре на синем надувном матрасе лежала девушка. Вокруг роженицы громоздились какие-то сумки, вповалку валялись вещи. Ноги девушки были согнуты в коленях и широко расставлены, глаза – закрыты. Она тяжело дышала. Схватки временно отступили.

– Здравствуйте, Аня, – сказал Санька. – Так же Вас зовут, кажется. Я Ваш акушер буду.

– Вы? – открыв глаза, спросила девушка и, отвернувшись, простонала: «Уйдите... Мне в город надо».

– Вы, наверно, смущаетесь? Не надо этого. Я небрежливый, да и дело житейское.

– В город... В город отвезите...

Санька присел на корточки, мельком взглянул между ног девушки, быстро переместился, взял роженицу за руку и весело сказал:

– А у дитя, скорей всего, другие планы. Тута, говорит, буду вылазить – в Сашкиной степи.

Губы Ани тронула усталая улыбка.

– Тебе лет-то сколько, Сашка?

– Восемнадцать без одиннадцати месяцев. Скоро в армию. А тебе?

– Девятнадцать... Не бросишь меня?

– Бля буду, – присягнул пастух, как умел, и скрепил слова лёгким пожатием ладони роженицы.

– А справишься?

– Вместе справимся, – успокоил Санька. – Я пастух. Знаком с родами с детства. У меня такой опыт, что я на тебя сейчас смотрю и еле зевоту сдерживаю. Настолько всё привычно... Сколь месяцев отходила?

– Семь.

– Нормально, – махнул рукой Санька, ничем не выдав подступившего к сердцу холодка. – Легко ходила?

– На сохранении одно время лежала.

– Ничё страшного, бывает, – подбодрил Санька.

– Это ты на поляне ругался?

– Не ругался... Так – поспорили малость... Рабочий момент...

– А-а-а, – вдруг застонала девушка и в крик: «Ма-а-а-ма-а-а-а!»

– Держись, Ань, – бросил Санька. – Блажи на всю степь, легче будет. Я махом.

Пастух вышел на улицу, наклонами головы хрустнул шейными позвонками и подошёл к компании. Молодёжь обступила его.

– Короче, так, – сказал он. – Палатка, в которой она лежит, под роддом не канает, не развернуться в ней. Вот вы, пацаны, большую разобрали. Зря. Собирайте опять, туда её перенесём. Ещё полотенце чистое нужно, в которое я младенца заверну.

– Так замажется же, – вырвалось у одной из девушек.

– Вот твою вытиралку и возьму, – ухмыльнулся Санька. – Ты, гляжу, та ещё чистоплюйка. Нам такие стерильные сейчас ой как нужны... И воду вскипятить надо будет.

– А где её взять?.. С озёра, что ли?.. Водопровод не покажешь? – посыпались реплики.

– В степи всё есть, – самоуверенно улыбнувшись, выдал Санька. – А чего нет – довезут.

Сливайте с радиаторов. Мало будет – у рыбаков возьмёте.

– Тебе бы самому не мешало грязищу смыть, – сказал Вовка.

– То загар... Ну да ладно. Водяру на руки польёшь.

– Дезинфекция?

– Блажь... Нас, богатых, не поймёшь. На конях на миллионы наматываем, водкой руки моем. – Санька обратился ко всем: «Пятнадцать минут на подготовку даю. Время есть. А на крики забейте, это нормально всё».

Молодёжь забегала, но уже осмысленно. В полевых условиях стало возводиться родильное отделение. Санька взял бинокль и прошёл к озеру. Поймав в перекрестье мужа роженицы, увидел, что рука у парня приложена к уху, а губы шевелятся.

– Кажись, дозвонился, – облегчённо вздохнул пастух и подозвал друга: «Иди сюда. Я насчёт водки не шутил. Тащи всю. И мыло».

– Думаешь, всё получится? – вылив вторую бутылку на руки Саньке, спросил Вовка.

– Если на небе грех с водярой простят.

– Я серьёзно.

– Не знаю... Дрожь в руках чё-то, вибрация нездоровая.

– Чё это?

– Да девчонка хорошая. Не овца какая-нибудь.

– Разве это те помешает?

– А ты думал... На автомате действовать не получится. Как с родной придётся. А сердце при таком деле в отключке должно быть. Красивая к тому же... Блин, одни минусы!

– Ты в своём уме? Какая красивая! Там же кровища, слизь всякая.

– К дерьму я давно привык, а к красоте – никак.

– Ещё скажи, что она тебе нравится в таком состоянии.

– И чё такого, – сказал Санька. – Она сейчас настоящая, вся фальшь с неё слетела. Ну да ты не поймёшь.

– Почему же?

– Потому что у нас разные миры. Ты ж до сих пор не догоняешь, как Петруха объезжает дикого жеребца, а в городе дорогу боится перейти. Тут примерно то же самое. Я в палатке с таким столкнулся, что до сих пор как чумной. Прикинь, девчонка как бы и стесняется тебя, и тут же готова впустить сам понимаешь «куда».

– Это от боли всё. У тебя бы так – и ты бы так.

– Не всё так просто. Глаза у неё странные. Там будто страшно мудрое животное сидит. Интересно, что это?

– Фиг знает, – сказал Вовка. – У Лёхи с «Изыха» потом спросим. Он же вроде как писатель, должен знать.

– У Леснянского-то?.. Не, он по любой не в курсах. Да и никакой он не писака. Разве на седле можно что-нибудь толковое накалякать? Для такого дела добротный стол нужен, кабинет специальный, усидчивость опять же. А этого по всей степи носит, как перекасти-поле. Нормальные писатели пять минут абзац пишут, а этот – пять километров по пересечённой местности.

– Так он кочевой, может, литератор, – предположил Вовка. – Такие тоже наверняка бывают. Типа, разновидность.

– Ни фига. Писатель должен сидеть за дубовым столом в городе Москве, на крайняк – в Туле. Так у писателей заведено. А этот один раз возле навозной кучи пописывал. Для духовитости предложений – не иначе. Нет, он, конечно, не виноват, что туда его овец потянуло, а всё же.

– Если чё, у него именные путинские часы имеются, сам видал.

– Спёр, – сделал вывод Санька. – Хотя нет. В этом плане он такой же лупень, как и ты – ни украсть, ни покараулить. Подделка, значит.

– А вдруг прогремит он. Бывает же.

– Чабан этот?.. Ни в жизнь. Объясняю. Мы с ним тут сцепились, когда наши отары чуть не смешались. Моя вина была. Ему бы сказать культурно, если он такой уж прям писатель: «Александр, Вы, пожалуйста, следите за своими грубошёрстными проказницами, не подпускайте их так близко к моим тонкорунным шалуньям». А он так трёхэтажно выразился, что я сразу понял – не Пушкину он коллега, а мне...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.